

надъ боскетами Шамбора.

Съ неудачами „Тартюфа“ надолго прервалась дѣятельность Мольера, какъ обличителя нравовъ. Теперь онъ становится „fidele divertisseur du Roy“—и только. Онъ пишетъ „Пурсоньяка“, смѣшной фарсъ, до сихъ поръ идущій ежегодно въ „Comedie Française“ въ день карнавала (Mardi gras) подъ непрерывный хохотъ. И вскорѣ вождь за этимъ „Мѣщанина-дворянина“, чтобы дать „королю-солнцу“ возможность посмѣяться надъ турками, причинившими ему такъ много неприятностей въ Кандіи и не оцѣнившими пышность его версальскаго приѣма. Королю угодно было веселиться, и гений Мольера долженъ былъ сверкать огнями празднествъ и звенѣть бубенцами буффонады.

О. О. Коммисаржевскому удалось выдѣлить во вчерашней постановкѣ элементы пышнаго королевскаго увеселенія, достойнаго занять мѣсто среди охотъ и пировъ, подчеркнуть преобладаніе балета, подчинить дѣйствіе веселому и праздничному ритму красокъ, музыки и танцевъ.

На то, что въ замыселъ его входило сосредоточить все вниманіе именно на зрѣлищѣ, указываетъ и прелестный дивертисментъ, которымъ закончился вчерашній спектакль и въ которомъ прошли передъ зрителемъ герои итальянской „comedia del arte“—добрые старые Пульчинелла, Дотторѣ, Скарамучо, Коломбина, подобные легкимъ созданіямъ фантазіи художника-мушкетера Жака Калло.

Для осуществленія своихъ замысловъ режиссеръ нашелъ превосходнаго сотрудника въ лицѣ художника Сапунова, написавшаго декорации и сдѣлавшаго эскизы костюмовъ.

Имя Сапунова, какъ колориста, чуткаго къ истинно-театральной декоративности, достаточно говорить за себя. Его вчерашнія декорации—большая радость глазу. Особенно удачны декорации перваго дѣйствія и дивертисмента; нѣсколько слабѣе боскеты парка въ четвертомъ дѣйствіи.

Въ костюмахъ—веселая пышность буффонады и порой что-то острое, андрогинное, такъ удачно стѣсняющее языческое веселіе балетнаго искусства. Должно считать участіе Сапунова во вчерашней постановкѣ первымъ значительнымъ художественнымъ событіемъ открывающагося сезона.

Значительно менѣе удачныхъ сотрудниковъ нашелъ режиссеръ въ труппѣ театра. За исключеніемъ г. Неронова, превосходнаго Журдена, шпеса разыгранъ, въ лучшемъ случаѣ, блѣдно.

Г-жа Васильева (госпожа Журденъ) никакъ не вошла въ общій замыселъ постановки. Г-нъ Лихачевъ (Ковейль) „жантильничалъ“, какъ испорченный ребенокъ. Совершенно пропала сцена дуэта его съ Клеонтомъ (Громовымъ) и квартетъ тѣхъ же съ дочерью Журдена (Ледева) и служанкой Николь (Лилина). Въ этихъ мѣстахъ особенно важно было выдержать ритмъ,—я

сказалъ бы, танецъ діалоговъ,—отчетливую и красивую игру репликъ, стройную, какъ музыка Люлли. Впрочемъ, г. Громоу былъ слабъ не только въ этихъ мѣстахъ, но и на всемъ остальномъ протяженіи своей роли. Банально игралъ Доранта г. Чаргонинъ, ничѣмъ не связывая отдѣльныя стилизныя позы и карикатурно изысканные жесты.

Съ настоящимъ комизмомъ провелъ роль учителя философіи г. Кузнецовъ. Но нельзя найти никакого объясненія для тѣхъ фальшивыхъ, дешево-фатоватыхъ интонацій, которыми гг. Лановъ и Петровъ желали, очевидно, передать пысканную жеманность времени Людовика.

Массовыя сцены и танцы поставлены со вкусомъ и заботливо. Но техническая сторона ихъ оставляла желать многого. „Всякъ спляшетъ, да не какъ скоморохъ“. Мѣстами чувствовалось любительство, отсутствіе легкости, нѣкоторыя па отдавали трудолюбіемъ и потомъ. Наиболѣе удачной должно считать сцену посвященія въ „мамамуши“, гдѣ замѣчательную фигуру муфтія далъ г. Грузинскій. (Когда-то эту роль игралъ самъ Люлли).

Заключительный дивертисментъ поставленъ очень красиво. Хотѣлось бы измѣнить одну матерьяльную деталь: дирижеръ въ оркестрѣ, одѣтомъ въ костюмы эпохи Людовика XIV, дирижируетъ короткой палочкой. Между тѣмъ, во времена Мольера принято было дирижировать большимъ жезломъ, на подобіе тамбурь-мажорскаго, и даже авторъ музыки „Мѣщанинъ-дворянинъ“ Ж. Б. Люлли умеръ, какъ говорятъ, поранивъ себя ногу тяжелымъ дирижерскимъ жезломъ.

Общее впечатлѣніе отъ вчерашняго спектакля: интересное зрѣлище, вполне заслужившее шумнаго успѣха и овацій, имѣвшихъ вчера мѣсто въ театрѣ Незлобина.

АЛЕКСАНДРЪ КОЙРАНСКІЙ.

*Утро России 3 сент.
1911 года*

„Мѣщанинъ-дворянинъ“.

(Театръ Незлобина).

„Говорятъ, что ихъ величества прекрасно развлекались въ Шамборѣ“,—пишетъ въ октябрѣ 1670 года маркизъ де С. Морисъ.— „...Были охоты, комедіи, балеты, большое веселіе и великолѣпные пиры“...

Этихъ комедій и балетовъ, о которыхъ блестящій вельможа „короля-солнца“ упоминаетъ среди охотъ и пировъ, и былъ какъ разъ „Мѣщанинъ-дворянинъ“ Жана Батиста Мольера и Жана Батиста Люлли. А „La Gazette“ отъ 18 октября того же года называетъ пьесу: „балетъ въ шести выходахъ, сопровождаемый комедіей“, и главнымъ авторомъ называетъ именно Люлли. Въ мѣстѣ съ „La Gazette“ мы тоже склонны думать, что элементъ комедіи въ „Мѣщанинъ-дворянинъ“ нѣчто привходящее, второстепенное, значительное лишь какъ веселый и мимолетный отблескъ гения Мольера.

Король, заказывая эту пьесу Мольеру, давалъ полную свободу его замысламъ, поставивъ, однако, условіемъ, чтобы центромъ дѣйствія была буффонада, изображающая турецкую церемонію, и чтобы отведено было достаточно мѣсто танцамъ и пѣнію. Вполнѣ понятно, что вокругъ такой буффонады Мольеръ могъ только свить веселую гирлянду, не претендующую на роль комедіи нравовъ. Даже сатирой не должно называть это веселое произведеніе, которому болѣе подходитъ названіе гротеска или буффонады.

Оно создавалось по мановенію великолѣпнаго Людовика, какъ создавались Ле-Нотромъ блистательные сады Версаля, какъ строились Мансаромъ пышные дворцы,—блестящій жестъ гения-увеселителя, фейерверкъ, огнистымъ дождемъ разсыпавшійся